

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2021.87.80.017

Цифровая дипломатия как инструмент внешнеполитической деятельности России

Шоботенко Анастасия Владимировна

Соискатель на звание кандидата наук,
кафедра медийной политики и связей с общественностью,
Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
119454, Российская Федерация, Москва, пр. Вернадского, 76;
e-mail: a.shobotenko@odin.mgimo.ru

Аннотация

С начала прошлого столетия программы публичной дипломатии приобретают все большую значимость во внешнеполитической деятельности большинства государств мира. Интенсивное развитие интернета и экспоненциальные темпы роста пользователей социальных сетей добавили новое измерение дипломатической деятельности – цифровое. Ведущие страны мира относительно быстро включились в широкомасштабное противостояние за оказание влияния на иностранные общества посредством онлайн-платформ, что привело к эскалации информационного противоборства, в особенности между Западом и Россией. В статье систематизированы основные российские институты, функционирующие в сферах публичной и цифровой дипломатии, изучены основные подходы и технологии, используемые российскими дипломатами в Интернете, проанализированы особенности реагирования российских дипломатов на новые глобальные угрозы в цифровой среде, а также предложены рекомендации по оптимизации деятельности сотрудников МИД России и РЗУ в области цифровой дипломатии.

Для цитирования в научных исследованиях

Шоботенко А.В. Цифровая дипломатия как инструмент внешнеполитической деятельности России // Теории и проблемы политических исследований. 2021. Том 10. № 3А. С. 145-155. DOI: 10.34670/AR.2021.87.80.017

Ключевые слова

Цифровая дипломатия, коммуникация, социальные сети, контент.

Введение

На сегодняшний день мировая политика и система международных отношений находятся в процессе глобальной трансформации, которая характеризуется прежде всего изменениями политических систем целого ряда государств, а также отходом от биполярной системы международных отношений к многополярному миру. [Лебедева, 2017] Безусловно, эти изменения в значительной степени оказывают влияние на внешнеполитическую деятельность государств: с каждым годом задачи, стоящие перед дипломатическими ведомствами, значительно усложняются, расширяется сфера компетенций дипломатических сотрудников. Непрерывный технологический прогресс, основывающийся в том числе и на процессах четвертой промышленной революции, несомненно обеспечил новые коммуникационные возможности для всех представителей современного общества, а именно поспособствовал расширению палитры средств, инструментов и коммуникационных платформ, что с одной стороны, в беспрецедентных условиях коронавируса, послужило достойной альтернативой традиционным способам коммуникации, но при этом одновременно стало одной из причин фундаментальных коммуникационных изменений.

Хотя коронавирус стал ключевым катализатором цифровизации дипломатии в 2020 году, а лидеры которые без особого энтузиазма восприняли цифровые платформы теперь активно общаются через Google Meet, Skype и Zoom, не менее важным фактором перехода субъектов внешнеполитических ведомств на цифровые коммуникационные платформы является четвертая промышленная революция, провоцирующая глобальное ускорение процесса распространения различного рода информации. В связи с этим, активизация такой формы внешнеполитической деятельности как «цифровая дипломатия» наблюдалась еще до начала пандемии [Меньшиков, 2017].

Министерство иностранных дел России, располагающее одной из самых разветвленных дипломатических сетей в мире, достаточно быстро оценило характер трансформаций и осознало значимость использования цифровых инструментов для осуществления политической коммуникации с согражданами и представителями иностранной общественности, о чем свидетельствует широкое цифровое присутствие российского МИДа, его загранучреждений и отдельных дипломатов в таких социальных сетях, как Twitter, Facebook, Вконтакте, Instagram, YouTube, Telegram и др. Практика использования новых медиа в дипломатической службе открыла новые возможности для результативного продвижения российских геополитических интересов и внутренней информационной повестки в различных странах за счет расширения охвата аудитории, а также для построения позитивного образа России за рубежом благодаря несиловому воздействию на иностранную публику.

Таким образом, деятельность российских субъектов в сфере digital diplomacy привлекла к себе заметное внимание мировой общественности задолго до пандемии, что во многом связано с возросшим интересом к влиянию России на глобальное информационное пространство в целом, а также к конкретным действиям загранпредставительств и отдельных дипломатов в социальных сетях. Для более глубинного понимания того, как воспринимается активность российских сотрудников МИД и РЗУ в цифровой дипломатии, чья работа в значительной степени направлена на взаимодействие с зарубежными аудиториями, считаю рациональным обратиться к рассмотрению реакции иностранных СМИ и пользователей социальных сетей, а также международным экспертным оценкам отечественной публичной дипломатии Web 2.0. [Меньшиков, 2017]

Оценка цифровой дипломатии России западными аналитиками

По данным исследования 2020 года Burson Cohn & Wolfe «World leaders on Facebook», опубликованного в апреле 2020 г., Министерство иностранных дел России возглавило список самых активных мировых лидеров в Facebook, опубликовав 10 171 сообщение за последние 12 месяцев (более 27 сообщений в день) с не менее внушающим общим показателем взаимодействий – 836 438. [World Leaders on Facebook 2020, [www...](#)]

В книге «Modern Diplomacy in Practice» (2019), предлагающей беспрецедентный глобальный анализ ведущих мировых дипломатических служб, в разделе о МИД России Джессика Терри дает свою оценку усилий его сотрудников в онлайн–пространстве. Прежде всего автор отмечает относительно быструю степень восприятия Министерством роли инновационных технологий в сфере публичной дипломатии: за последние несколько лет ведомство в целом сумело продемонстрировать свою способность использовать новые технологии для непосредственного охвата различных глобальных сетей. [Hutchings, Suri, 2020]

Однако, в большинстве случаев, Запад рассматривает деятельность МИД и РЗУ в цифровом пространстве через призму потенциальной информационной угрозы, исходящей от России. О росте интереса американского исследовательского сообщества к теме информационного влияния, в частности российского, свидетельствует резкое увеличение за последние два года количества исследований аналитических институтов США, поднимающих проблему дезинформации и пропаганды, распространяемой российскими властными структурами. [Шакиров, 2018] Одними из последних таких работ, которые привлекли всеобщее внимание, стали доклад «Russian Social Media Influence: Understanding Russian Propaganda in Eastern Europe» (2018), подготовленный при поддержке Аппарата министра обороны США, а также книга бывшего сотрудника ФБР Клинта Баттса «Messing with the Enemy: Surviving in a Social Media World of Hackers, Terrorists, Russians, and Fake News» (2020). [Burbach, Watts, 2020]

В Великобритании широкое освещение в СМИ получила статья доцента кафедры Дипломатических исследований Оксфордского университета Корнелиу Бьола «"Темная сторона" цифровой дипломатии», в которой основной акцент делается на том, что новые технологии тесно связаны с проблемой их двойного назначения, то есть использованием как в мирных, так и в военных целях. К. Бьола рекомендует сотрудникам западных МИДов и посольств руководствоваться 5 разработанными им подходами по противодействию «темной стороне» цифровой дипломатии, под которой он понимает стратегию, осуществляемую главным образом российским государством, по оказанию негативного влияния на политику западных стран путем развязывания «огненного шлейфа лжи», распространения онлайн–дезинформации, фейковых новостей, троллинга и теорий заговора в социальных сетях в рамках реализации концепции «острой силы». Прибегая к использованию некоторых рекомендуемых К. Бьолой подходов, по собственному признанию автора, дипломаты могут позволить себе в особых случаях опускаться до дискредитации не просто отдельных сообщений, а всего потока информации, транслируемого российским источником, что может повлечь за собой эскалацию информационной войны. Кроме того, доцентом было предложено предпринимать попытки, направленные на разрушение сетей распространения российской пропаганды, несмотря на потенциальный риск подавления источников, которые могут обоснованно критиковать Запад. [Bjola, 2018]

В глазах Запада российская информационная угроза настолько велика, что исследователи уже выдвинули предположения о том, что отечественный инструментарий для информационной

деятельности расширится в ближайшее время, значительно увеличивая разрушительный потенциал присутствия российских госорганов в Интернете. Так, автор доклада «The Soft Power 30» (2019 г.) Джонатан Макклори назвал Россию авторитарным государством, от которого следует ожидать использование последних достижений в области искусственного интеллекта, в частности технологии «deepfake», в целях фальсификации реальности посредством автоматизации процессов создания фейковых новостей и распространения вредоносной дезинформации, о чем всегда должны помнить дипломаты всего мира. [McClory, 2019]

Опираясь на приведенные выше оценочные суждения из иностранных статей и докладов, можно прийти к выводу о том, что анализ деятельности России в области цифровой дипломатии проводится в значительной степени в рамках устоявшегося в США и ряде стран Европы курса на противодействие информационной угрозе, представляемой российской государственной информационной политикой. Рассмотренные работы, реализованные в том числе и по государственному заказу, несколько различаются друг от друга по тому, с какого угла в них анализируется данная угроза; некоторые из них также выдвигают свои рекомендации по противодействию. Наблюдается рост обвинений в тенденциозности и злонамеренности распространения информации официальными государственными источниками. Все это свидетельствует о том, что, несмотря на немалый прогресс в области цифровой дипломатии, Россия все еще сталкивается с проблемой доверия, в связи с чем затрудняется возможность донесения до иностранной аудитории объективной государственной базы аргументов по вопросам глобальной повестки дня. [Меньшиков, 2017]

В то же время, в статьях и докладах, преимущественно тех, которые рассматривают российскую digital diplomacy в отрыве от политического контекста, дают положительную оценку усилиям российских дипломатов, отмечая быструю интеграцию в рабочий процесс новых сетевых сервисов и высокую эффективность цифровой деятельности, приводя высокие позиции официальных аккаунтов МИД России и РЗУ по основным метрикам веб-аналитики в мировых профильных рейтингах.

Для достижения оптимизации деятельности сотрудников МИД России и дипломатических представительств в сфере цифровой дипломатии будет предложен комплексный подход, определяющий различные способы совершенствования цифрового измерения российской внешнеполитической деятельности с учетом его текущего уровня развития, внутренних сильных и слабых сторон, внешних возможностей и вызовов, с опорой на анализ цифровых трендов и рекомендации отечественных и зарубежных специалистов, а также указанием уже опробованных дипломатическими службами различных стран инновационных технологий.

Считаю логически обоснованным подразделить рекомендации на следующие 6 блоков: Стратегическое планирование, контент, новые технологии, новые платформы, кадры, глобальный диалог.

Стратегическое планирование

Ведущий российский специалист в области цифровой дипломатии Олег Игоревич Шакиров отмечает широко распространенную среди цифровых дипломатов тенденцию действовать в социальных сетях не «проактивно», а «реактивно», когда то или иное решение продиктовано не собственной волей, а меняющимися условиями внешней среды. По мнению эксперта, для более эффективного использования имеющихся ресурсов МИДа ведущих стран мира необходимо приступить к выработке стратегии деятельности дипведомств и их учреждений в цифровой

дипломатии. При её подготовке желательно учитывать такие аспекты как постановка поддающихся измерению целей и задач в цифровой дипломатии с опорой на последнюю утвержденную президентом России Концепцию внешней политики, определение ключевых используемых терминов, идентификация целевых аудиторий, разработка способов модернизации набора используемых практик и инструментов, предложение путей минимизации разрыва в восприятии деятельности сотрудниками министерства и внешней аудиторией, указание ключевых показателей эффективности и т.д. Такая стратегия не должна сводиться к закреплению чрезмерно формализованного видения роли Министерства в данной области, что может быть контрпродуктивным в случае, если будет выстроена чрезмерно жесткая структура документа, которая поставит под сомнение гибкость, необходимая дипломатам для адаптации к новым технологиям. Только при грамотном подходе к данной задаче документ даст всем субъектам деятельности четкое понимание того, что необходимо сделать для достижения высоких результатов в обозначенной сфере.

Контент

Необходимо приступить к определению статуса публикаций дипломатов в личных и ведомственных аккаунтах в социальных сетях, обозначить рамки новой профессиональной этики и риторики в Интернете, выработать инструкции по сетевой культуре для сотрудников Центрального аппарата и российских дипломатических представительств, а также произвести поиск правильного баланса в использовании юмора на официальных ведомственных страницах, поскольку, как показывает практика, неосторожность в выборе терминов может привести к крайне негативным последствиям для имиджа дипломата, загранучреждения, ведомства и страны в целом, что недопустимо для России в и без того напряженных сложившихся геополитических обстоятельствах. Тем более, что привлечь внимание можно не только остроумными шутками. К примеру новым для деятельности МИД России в информационном пространстве стала практика публикации историй граждан РФ, которые получили помощь от министерства в период пандемии коронавируса. Подписчики официальных страниц стали видеть не только фотоотчеты с переговоров или публикации к праздничным датам, но и тех, кому пришла адресная помощь от МИД России, что серьезно влияет на интерес пользователей, которые интересуются «живыми» историями, нежели «сухими» отчетами о происходящем.

Новые технологии

Все большее число министерств интегрируют во внутренние процессы Big data – это термин, под которым подразумевают инструменты и методы сбора и обработки огромных объемов как структурированных, так и неструктурированных данных для решения конкретных задач (например, консульских). На сегодняшний день одним из самых прогрессивных способов использования Big Data в цифровой дипломатии является так называемый «социально–сетевой анализ» (англ. Social Network Analysis) – это технология проведения онлайн–экспертизы местной и глобальной цифровой информационной среды, которая позволяет составить визуальную карту сетей пользователей на различных платформах, таких как Facebook или Twitter, по конкретной ситуации, идентифицировать их участников и исследовать, как информация проходит между участниками одних и тех же сетей. [Bjola, 2019] В сети Интернет доступны бесплатные сервисы, которые могут позволить сотрудникам российского МИД и его загранучреждений сопоставлять и отслеживать подобные сети в режиме реального времени,

чтобы узнать складывающееся у аудитории отношение к определенной чувствительной для России ситуации. Что еще более важно, сетевой анализ может помочь Министерству или РЗУ выявить и впоследствии остановить поток дезинформации путем визуализации локальной или глобальной сети, распространяющей ложную информацию. Примером сервиса, позволяющего проводить такие анализы, стал проект Muckety, который активно используется в США для визуализации сетей по текущей политической обстановке в стране.

Новые платформы

Дипломаты различных стран продолжают осваивать мобильные приложения, которые ранее не рассматривались как платформы для ведения политической коммуникации. В 2018 г. «Большая семерка» под председательством Канады впервые включила в качестве официального канала коммуникации, наряду с Twitter, Instagram, Facebook, Youtube и Flickr, приложение по обмену сообщениями Snapchat. Члены «Группы семи» решились на цифровое присутствие в Snapchat, чтобы выйти напрямую на представителей молодого поколения и выстроить с ними органичные отношения для демистификации политики в глазах молодежи, а также для большей прозрачности и доступности шагов, предпринимаемых правительствами стран данного международного клуба.

Так, в 2020 году во время пандемии, мировые лидеры быстро использовали Twitter для общения и объяснения правил изоляции, часто используя обложки Twitter, чтобы побудить своих подписчиков к #StayHome, #StayAlert и #SaveLives. Многие делились инструкциями по строгим правилам гигиены и демонстрировали правильное мытье рук и соблюдение правил социального дистанцирования.

МИД России мог бы рассмотреть возможность перенять приведенный выше опыт взаимодействия с пользователями еще недостаточно популярных среди дипломатов платформ для коммуникации с общественностью. В то же время одним из главных и наиболее известных изменений в связи с распространением COVID-19 стал перевод мобильного приложения «Зарубежный помощник» в формат тестовой версии вебсайта sos.midhelp.ru — справочно-консультационного портала Департамента ситуационно-кризисного центра (ДСКЦ) МИД России «Безопасное пребывание за рубежом». По всей вероятности, главной целью такого изменения стала необходимость МИД быть более доступным для тех граждан России, которые не имеют смартфонов и получают информацию с других электронных носителей, на которые невозможно установить приложение, но можно открыть вебсайт.

Кадры

Особый акцент должен быть сделан на специальной подготовке будущих кадров и действующих сотрудников, что предполагает создание учебных курсов в профильных вузах для подготовки будущих специалистов, а также информационно-просветительские курсы, способствующие повышению компетенций дипломатических сотрудников в цифровой среде в целях расширения и более эффективного использования министерством новых технологий. Следует сделать основной упор на программах обучения тех, кто готовится к выезду за границу для исполнения служебных обязанностей на должности пресс-атташе в РЗУ, которые должны включать в себя следующие пункты:

- регулярное наполнение аккаунтов дипломатического представительства мультимедийным контентом в социальных сетях;

- формулирование меседжей и использование языка повествования в зависимости от портрета целевой аудитории на каждой медиа–платформе;
- последовательное разъяснение российской позиции для иностранной общественности;
- активное взаимодействие с онлайн–аудиторией, в том числе журналистами и политико–формирующими кругами;
- разработка коммуникационной стратегии;
- использование сервисов веб–аналитики для оценки эффективности работы в социальных сетях;
- проработка на местах плана антикризисных коммуникаций на случай возникновения кризисных ситуаций;
- мониторинг информационного поля в стране пребывания и мире в целом.

Несмотря на широкую вовлеченность российских представительств в цифровую дипломатию, ведение личных страниц не стало общепринятой практикой среди российских послов. Как уже упоминалось, в 2018 г. Россия заняла вторую строчку в рейтинге «Twiplomacy» с 244 аккаунтами посольств, консульств и торговых представительств, уступив Великобритании, которая будучи на 11 месте по количеству дипломатических представительств по всему миру (Россия – на 5 месте), имеет самое широкое дипломатическое присутствие в Twitter (413 аккаунтов). Первое место ей во многом было обеспечено внушительным количеством страниц действующих британских послов и их заместителей в социальной сети. Учитывая тот факт, что онлайн–аудитории больше склонны оказывать доверие личным аккаунтам, Министерству следует все чаще стимулировать дипломатических представителей высшего ранга осваивать цифровой аспект своей деятельности, регистрироваться и активно вести учетные записи в социальных сетях. На данный момент на сайте МИД России можно найти всего 12 ссылок на профили действующих российских послов, генеральных консулов, постоянных представителей и их заместителей.

Глобальный диалог

Министерству иностранных дел России необходимо интенсивнее участвовать в формировании международной информационной повестки, в том числе и в сфере кибербезопасности. Принимая во внимание неоднократные обвинения Запада в совершении агрессивных действий в отношении информационных пространств демократических стран, российская сторона действительно должна быть заинтересована в углублении сотрудничества по решению глобальных информационных проблем, в особенности тех, которые касаются недоверия к российским официальным источникам. Для поддержания диалога отечественной дипломатии необходимо поддерживать новые формы взаимодействия, включая программы обменов и международных конференций с участием практиков, исследователей, журналистов, политологов и студентов. В данном плане нельзя не приветствовать международный форум «Meeting Russia», проводимый под началом российской некоммерческой организации «Центр поддержки и развития общественных инициатив “Креативная дипломатия”», в котором принимают участие аналитики из США, Канады и стран ЕС. Подобную инициативу можно считать позитивным шагом в направлении к информационному разоружению России, который направлен на снижение степени недоверия Запада к деятельности отечественных акторов в информационном пространстве.

Все приведенные выше рекомендации направлены на оказание содействия в анализе современных цифровых трендов для достижения наибольшей эффективности деятельности

российских дипломатов на различных онлайн–платформах, а также предложения различных путей интеграции в текущие процессы Министерства иностранных дел России и РЗУ передовых международных практик и технологий в сфере digital diplomacy для максимизации выгод, обусловленных процессом цифровизации современного постпандемического общества.

Заключение

В 2020 году дипломатия стала по–настоящему цифровой. В течение считанных дней в условиях пандемии, большая часть дипломатической активности переместилась в онлайн, а лидеры столкнулись друг с другом через экраны своих компьютеров. Двусторонние и многосторонние встречи теперь проводятся с помощью приложений для телефонной или видеоконференцсвязи. Традиционные фотографии многосторонних встреч, таких как G7, G20 и саммиты АСЕАН, были заменены мозаикой экранов с лидерами, сидящими перед своими соответствующими флагами.

Постпандемический мир обязывает страны реализовывать потенциал в области цифровой дипломатии и применения интернет–технологий, для чего есть как технические, так и интеллектуальные ресурсы. Российские дипломаты уже сумели продемонстрировать высокую компетентность в адаптации к цифровому инструментарию, о чем свидетельствуют высокие позиции российской дипломатической службы в международных независимых рейтингах и исследованиях в области цифровой дипломатии. Но, учитывая наличие ряда проблемных ситуаций, перед российскими субъектами дипломатического дискурса должна стоять нелегкая задача по объективному осмыслению предпринятых шагов. Дипломатам следует постараться отойти от руководящих принципов в пользу полноценной стратегии в области цифровой дипломатии, а также рассмотреть возможность внедрения успешного опыта иностранных дипломатических служб и интегрирования новых, доныне не использовавшихся технологий для более эффективного разрешения возникающих кризисных ситуаций и глобальных проблем.

Библиография

1. Аккаунты в соцсетях. – Текст: электронный // МИД России: официальный сайт. – 2020. – Текст: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mid.ru/ru/press_service/social_accounts
2. Городской завтрак РСМД «Фейсбучные войны и твиттерный протокол: что такое цифровая дипломатия сегодня?». РСМД. – 2018. – Текст: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/news/feysbuchnye-voyny-i-tvitternyy-protokol-cto-takoe-tsifrovaya-diplomatiya-segodnya-gorodskoy-zavtrak/?sphrase_id=34305370
3. Как Covid–19 повлиял на практику цифровой дипломатии в России. – Текст: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/digitaldiplomacy/kak-covid-19-povliyal-na-praktiku-tsifrovoy-diplomatii-rossii/?sphrase_id=74201845
4. Лебедева, М.М. Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / М.М.Лебедева. — Текст: непосредственный // Москва: Издательство «Аспект Пресс». – 2017. – ISBN 978–5–7567–0931–5. — С. 8.
5. Меньшиков П.В. Внешнеполитический PR. Отпеваем или воспеваем? Служба PR. 2015. № 5. С. 35-40.
6. Меньшиков П.В. Коммуникация как управленческая функция современного государства. Право и управление. XXI век. 2017. № 3 (44). С. 81-90.
7. Меньшиков П.В. Эволюция государственной информационной политики в России. Международные коммуникации. 2017. №4. С. 3.
8. Шакиров, О.И. «Российская пропаганда»: в соцсетях, в Восточной Европе, далее везде / О.И. Шакиров. – Текст: электронный // РСМД. – 2018. – Текст: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/-rossiyskaya-propaganda-v-sotssetyakh-v-vostochnoy-evrope-dalee-vezde/>
9. 2018 in review: top 10 digital diplomacy moments // Medium. – 2018. – Текст: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://medium.com/digital-diplomacy/2018-in-review-top-10-digital-diplomacy-moments-ce9e2745035a>

10. Bjola, C., Digital diplomacy: from tactics to strategy / Corneliu Bjola. – Текст: электронный // The American Academy in Berlin. Hans Arnhold Center. – 2018. – Текст: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.americanacademy.de/digital-diplomacy-tactics-strategy/>
11. Bjola, C., The «dark side» of digital diplomacy / Corneliu Bjola. – Текст: электронный // USC Center on Public Diplomacy. – 2019. – Текст: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.uscpublicdiplomacy.org/blog/dark-side-digital-diplomacy>
12. Burbach, D.T., Watts, C., Messing with the Enemy: Surviving in a Social Media World of Hackers, Terrorists, Russians, and Fake News / David T. Burbach, Clint Watts. – Текст: электронный // Naval War College Review. – 2020. – Текст: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=8105&context=nwc-review>
13. Helmus, T.C., Bodine-Baron, E., Radin, A., Magnuson, M., Mendelsohn, J., Marcellino, W., Bega, A., Winkelman, Z., Russian social media influence. Understanding Russian propaganda in Eastern Europe / Todd C. Helmus, Elizabeth Bodine-Baron, Andrew Radin, Madeline Magnuson, Joshua Mendelsohn, William Marcellino, Andriy Bega, Zev Winkelman. RAND Corporation. – 2018. – ISBN 978-0-8330-9957-0. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rand.org/pubs/research_reports/RR2237.html
14. Hutchings, R., Suri, J., Modern Diplomacy in Practice / Robert Hutchings, Jeremi Suri // Palgrave Macmillan. – 2020. – 978-3030269357. – P. 125–141.
15. McClory, J., The Soft Power 30. London / J. McClory. – Текст: электронный // Portland. – 2019. – P. 88–90. – Текст: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2019/10/The-Soft-Power-30-Report-2019-1.pdf>
16. Meeting Russia 2019. – Текст: электронный // Общественная инициатива «Креативная дипломатия». – 2019. – Текст: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.picreadi.ru/meeting-russia-2019/>
17. Muckety. Interactive maps based on news & data // Crunchbase.com. – 2020. – Текст: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.crunchbase.com/organization/muckety#section-overview>
18. The 2019 Lowy Institute Global Diplomacy Index. Lowy Institute. – 2019. – Текст: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lowyinstitute.org/publications/2019-lowy-institute-global-diplomacy-index>
19. Twiplomacy study 2020. – Текст: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://twiplomacy.com/blog/twiplomacy-study-2020/>
20. World Leaders on Facebook 2020. – Текст: электронный // Twiplomacy. – 2020. – Текст: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://twiplomacy.com/blog/world-leaders-on-facebook-2020/>

Digital diplomacy as a tool for Russian foreign political activities

Anastasiya V. Shobotenko

PhD applicant degree,
Department media policy and public relations,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
119454, 76, Vernadskogo ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: a.shobotenko@odin.mgimo.ru

Abstract

Since the beginning of the last century, public diplomacy programs have become increasingly important in the foreign policy activities of most states of the world. The intensive development of the Internet and the exponential growth of social media users have added a new dimension to diplomatic activity – the digital one. The leading countries of the world relatively quickly joined a large-scale confrontation for influencing foreign societies through online platforms, which led to an escalation of information confrontation, especially between the West and Russia. The article systematizes the main Russian institutions functioning in the areas of public and digital diplomacy,

studies the main approaches and technologies used by Russian diplomats on the Internet, analyzes the features of the response of Russian diplomats to new global threats in the digital environment, and offers recommendations for optimizing the activities of employees of the Russian Foreign Ministry. and RZU in digital diplomacy.

For citation

Shobotenko A.V. (2021) Tsifrovaya diplomatiya kak instrument vneshnepoliticheskoi deyatel'nosti Rossii [Digital diplomacy as a tool for Russian foreign political activities]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 10 (3A), pp. 145-155. DOI: 10.34670/AR.2021.87.80.017

Keywords

Digital diplomacy, communication, social networks, content.

References

1. Accounts in social networks. – Text: electronic // MFA of Russia: official website. – 2020. – Text: [Electronic resource]. – Access mode: https://mid.ru/ru/press_service/social_accounts
2. RIAC City Breakfast "Facebook Wars and the Twitter Protocol: What is Digital Diplomacy Today?" RIAC. – 2018. – Text: [Electronic resource]. – Access mode: https://russiancouncil.ru/news/feysbuchnye-voyny-i-tvitternyy-protokol-chto-takoe-tsifrovaya-diplomatiya-segodnya-gorodskoy-zavtrak/?Sphrase_id=34305370
3. How Covid-19 has affected the practice of digital diplomacy in Russia. – Text: [Electronic resource]. – Access mode: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/digitaldiplomacy/kak-covid-19-povliyal-na-praktiku-tsifrovoy-diplomatii-rossii/?Sphrase_id=74201845
4. Lebedeva, M.M. Public diplomacy: Theory and practice: Scientific publication / M.M. Lebedeva. – Text: direct // Moscow: Publishing house "Aspect Press". – 2017. – ISBN 978-5-7567-0931-5. – S. 8.
5. Menshikov P.V. Foreign policy PR. Do we sing or sing? PR service. 2015. No. 5. S. 35-40.
6. Menshikov P.V. Communication as a managerial function of a modern state. Law and governance. XXI Century. 2017. No. 3 (44). S. 81-90.
7. Menshikov P.V. Evolution of state information policy in Russia. International communications. 2017. No. 4. P. 3.
8. Shakirov, O.I. "Russian propaganda": in social networks, in Eastern Europe, then everywhere / O.I. Shakirov. – Text: electronic // RIAC. – 2018. – Text: [Electronic resource]. – Access mode: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/-rossiyskaya-propaganda-v-sotssetyakh-v-vostochnoy-evrope-dalee-vezde/>
9. 2018 in review: top 10 digital diplomacy moments // Medium. – 2018. – Text: [Electronic resource]. – Access mode: <https://medium.com/digital-diplomacy/2018-in-review-top-10-digital-diplomacy-moments-ce9e2745035a>
10. Bjola, C., Digital diplomacy: from tactics to strategy / Corneliu Bjola. – Text: electronic // The American Academy in Berlin. Hans Arnhold Center. – 2018. – Text: [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.americanacademy.de/digital-diplomacy-tactics-strategy/>
11. Bjola, C., The "dark side" of digital diplomacy / Corneliu Bjola. – Text: electronic // USC Center on Public Diplomacy. – 2019. – Text: [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.uscpublicdiplomacy.org/blog/dark-side-digital-diplomacy>
12. Burbach, D.T., Watts, C., Messing with the Enemy: Surviving in a Social Media World of Hackers, Terrorists, Russians, and Fake News / David T. Burbach, Clint Watts. – Text: electronic // Naval War College Review. – 2020. – Text: [Electronic resource]. – Access mode: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=8105&context=nwc-review>
13. Helmus, T.C., Bodine-Baron, E., Radin, A., Magnuson, M., Mendelsohn, J., Marcellino, W., Bega, A., Winkelman, Z., Russian social media influence. Understanding Russian propaganda in Eastern Europe / Todd C. Helmus, Elizabeth Bodine-Baron, Andrew Radin, Madeline Magnuson, Joshua Mendelsohn, William Marcellino, Andriy Bega, Zev Winkelman. RAND Corporation. – 2018. – ISBN 978-0-8330-9957-0. [Electronic resource]. – Access mode: https://rand.org/pubs/research_reports/RR2237.html
14. Hutchings, R., Suri, J., Modern Diplomacy in Practice / Robert Hutchings, Jeremi Suri // Palgrave Macmillan. – 2020. – 978-3030269357. – P. 125-141.
15. McClory, J., The Soft Power 30. London / J. McClory. – Text: electronic // Portland. – 2019. – P. 88-90. – Text: [Electronic resource]. – Access mode: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2019/10/The-Soft-Power-30-Report-2019-1.pdf>

-
16. Meeting Russia 2019. – Text: electronic // Public initiative "Creative Diplomacy". – 2019. – Text: [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.picreadi.ru/meeting-russia-2019/>
 17. Muckety. Interactive maps based on news & data // Crunchbase.com. – 2020. – Text: [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.crunchbase.com/organization/muckety#section-overview>
 18. The 2019 Lowy Institute Global Diplomacy Index. Lowy Institute. – 2019. – Text: [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.lowyinstitute.org/publications/2019-lowy-institute-global-diplomacy-index>
 19. Twitdiplomacy study 2020. – Text: [Electronic resource]. – Access mode: <https://twiplomacy.com/blog/twiplomacy-study-2020/>
 20. World Leaders on Facebook 2020. – Text: electronic // Twiplomacy. – 2020. – Text: [Electronic resource]. – Access mode: <https://twiplomacy.com/blog/world-leaders-on-facebook-2020/>